

Борис Николаевич Шапошников (1882–1920)

Борис Шапошников

Полевой дневник 1918 года

Вступление

Среди старых документов мне попалась записная книжка в чёрном коленкоровом переплётёте. Это оказалась часть полевого дневника моего деда Бориса Николаевича Шапошникова.

Летом 1918 г. была организована комплексная биологическая экспедиция на северное побережье Кольского полуострова. Её организатора и цель пока выяснить не удалось.

«Московская группа» (Борис Николаевич Шапошников, Фёдор Александрович Спичаков и Коля) приехала в Архангельск в конце мая и пробыв там 28 дней «отправилась на Мурманск» через Соловки в Кемь и дальше по железной дороге. Увлечённые наукой учёные продолжали заниматься любимым делом, невзирая на тяжёлые условия жизни, войну и оккупацию.

К сожалению, сохранилась только одна записная книжка, описывающая маршрут и работу экспедиции с 14/27 июня по 29/16 июля (августа). О дальнейшей работе и маршруте ничего не известно. По маркам архангельского паспортного стола, наклеенным в паспорте Бориса Николаевича, видно, что он покинул Архангельск только 13 сентября 1918 г. Есть ещё одна марка от 13 июня — это день выезда экспедиции из Архангельска. Ещё студентом в 1905 г. Борис Николаевич летом работал на Мурманской биологической станции, расположенной недалеко от Александровска, где изучал мелких голожаберных моллюсков *Acanthodoris*. В 1918 г. так же много дней было проведено в Александровске и на биостанции. В дневнике сравниваются впечатления 1905 и 1918 гг.

Борис Николаевич Шапошников родился 15 ноября 1882 г. в Москве в семье математиков, был он шестым ребёнком и четвёртым мальчиком в семье, а всего детей было десять. Отец Николай Александрович Шапошников — широко известный учёный и педагог, автор многочисленных статей, учебных руководств и учебников по различным разделам математики, профессор. Двадцать лет проработал на кафедре высшей математики в Императорском Московском Техническом училище, математическая школа которого оказала большое влияние на развитие училища. Старшему поколению он известен как автор учебника по алгебре. В 1887 г. в соавторстве с Н.К. Вальцовским вышел «Сборник

алгебраических задач», который до 1917 г. выдержал 24 издания и после 1917 г. ещё 28, последний раз был издан в 1949 г. Его работы до сих пор изучаются в некоторых вузах. «Методический феномен» — так назвала его преподаватель Липецкого вуза О.А. Савина.

Борис Николаевич получил образование в Московской 4-й гимназии, по окончании которой в 1901 г. подал документы в университет. «Господину ректору Императорского московского университета. Покорнейше прошу зачислить меня студентом Естественного отделения физико-математического факультета». В мае 1907 г. «по окончании курса естественных наук» удостоен диплома первой степени. Его специальность — зоология беспозвоночных и цитология.

Из сведений Московского охранного отделения: «В 1902 г., будучи студентом Московского университета, участвовал в студенческих беспорядках, за что на некоторое время был удален из Москвы в город Коломну». После просьбы о прощении у ректора университета Борис Николаевич был вскоре допущен до занятий.

Через два дня после получения диплома студент Б. Шапошников обратился к ректору университета с просьбой о разрешении вступить в брак и получил разрешение.

Как и все окончившие университет Борис Николаевич преподавал в гимназии естествознание, природоведение, географию и зоологию, и не в одной, а в трех-пяти одновременно. И такая нагрузка была у него всю жизнь. «Время тогда было занятное, никто тогда не работал на одном месте, все работали в 2, 3, 4, 5 местах для жратвы»; «Чтобы жить, надо было есть, а чтобы есть, надо было зарабатывать на еду», — так вспоминал те годы известный генетик Тимофеев-Ресовский.

Во время учебы в университете Борис увлёкся зоологией беспозвоночных. Правильнее сказать, что, имея такого увлечённого и целеустремлённого преподавателя, как Николай Константинович Кольцов (выдающийся биолог, основоположник экспериментальной биологии), нельзя было не увлечься этой наукой. Надо отметить, что и жена Бориса Николаевича — Евгения Тихоновна — также была ученицей Кольцова. Они оба были сначала его учениками, потом сотрудниками и дружили до конца жизни.

В 1908 г. Борис Николаевич сразу после окончания университета был приглашен в только что организованный Московский городской народный университет им. Шанявского, биологическое отделение которого возглавил Н.К. Кольцов.

Из писем жене: «Пригласили в ассистенты в университет Шанявского. Будет две группы

по 25 человек. Занят буду немногого. Получу же 500 рублей, т.е. по 125 рублей за час (плата вполне приличная)». «Заниматься буду всего два раза в неделю, так что вознаграждение получается очень хорошим...» «Я буду ассициировать на вскрытии животных. Этим распределением я, в общем, доволен...» Через год он становится ассистентом и руководителем практических работ и семинаров по зоологии беспозвоночных. В 1919 г. читает спецкурс по зоологии.

Одновременно с преподавательской работой в университете Шанявского с 1909 г. Борис Николаевич ведёт научную работу в зоологической лаборатории, основанной в этом же году Кольцовым. В 1916 г. ему присвоено звание магистра зоологии.

Осенью 1919 г. университет Шанявского перестал существовать, он был объединён с 1-м и 2-м МГУ. На их базе предполагалось создать один Государственный университет.

Борис Николаевич переходит в Московский ветеринарный институт, становится профессором на кафедре эмбриологии и сравнительной анатомии.

В 1920 г. Московский ветеринарный институт предполагал произвести грандиозное обследование скота на фасциолёз (глистное заболевание крупного рогатого скота), организовать которое и было поручено Борису Николаевичу. В декабре 1919 г. Бориса Николаевича командируют во Владимирскую область. Командировка, видимо, предполагалась длительная и поэтому с ним уезжает жена с двумя детьми 3 и 8 лет. Борис Николаевич проработал недолго, в одной из поездок по области он заразился сыпным тифом и 15 февраля 1920 г. по дороге домой умер, не доехав совсем немного. Похоронен он в селе Княжеское в 20 верстах от города Коврова Владимирской губернии.

Евгения Шапошникова

Шапошникова
Евгения Ростиславовна

Внучка Бориса Николаевича Шапошникова. В 1965 г. окончила Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Преподаватель биологии и химии. Много ездила в биологические экспедиции на Север и Дальний Восток.

14/27 июня 1918 г.

После 28-дневного пребывания в Архангельске, наконец, мы отправились на Мурманск. Я думаю, что можно было бы выехать и раньше тем же путём, каким мы решили ехать (через Кандалакшу), если бы в составе нашей экспедиции были более энергичные люди. Правда, до сих пор ещё существует реальная опасность от подводных лодок. Да и вопрос о союзниках остаётся невыясненным. По Архангельску ходят самые разные слухи. Одни говорят, что союзники предъявили ультиматум и будут ждать 48 часов, другие говорят, что выходы из порта минированы. Но мы всё-таки решили ехать.

Как всегда, перед отъездом пришлось спешить, чтобы не опоздать на пароход. Но пароход отошел на полтора часа позднее намеченного времени, приблизительно в 6½. Был порядочный ветер, и на Двине маленькие пароходы покачивало порядочно. В довершение всего началась гроза. Я уже думал, что придётся мне кормить рыбу, но капитан Бурков сказал, что качки не будет, так как ветер западный. Действительно, в море почти качки не было. Только в одном месте стало немного покачивать, и я сорвал вниз в свою каюту и лёг. Одно время, немножко топнило, но рвоты не было. Спичakov¹ и Коля² стали закусывать, я же заснул. Спал я, вероятно, около часа, а когда проснулся, качка прекратилась совершенно.

Вскоре мы пришли к Пертоминскому монастырю. Располагается он на берегу обширной бухты с отлогими песчаными берегами. Местами попадается хороший пляж. Большей же частью отмельный берег покрыт гниющими водорослями. Иногда между берегом и сушей находятся болота. Так как наш пароход пришвартовался к пристани, мы с Ф.А. (Спичаковым) отправились в монастырь. Колю же мы не разбудили.

Монастырь находится в полверсты от пристани, на берегу бухты на ровном месте. Дорога от пристани к монастырю плоская и тоже хорошая. Сам же монастырь не представляет ничего особенного. Есть там одна каменная церковь и одна деревянная. Монахи говорят, деревянная церковь существует около 300 лет, но что-то не похоже. Ограда у монастыря деревянная, монахов

пятьдесят. Около монастыря огород и всюду вокруг хороший, сухой, но мелкий сосновый лес с ветром. На скотном дворе мы купили молока по 50 к. чашка (стакана 2-3). Всего молока я не мог выпить, пришлось оставить, так как посуды с собой мы не взяли. Я думаю, что в этом монастыре можно было бы пожить, как на курорте. С нами на пароходе ехал П.Я. Жернаков, который собирался прожить здесь месяца два. На память о монастыре я купил за 80 к. деревянную ложку очень плохой работы. Пока покупали, нас чуть не съели комары. В Пертоминском монастыре мы проводили 1 час и в 3 часа н(очи) отправились дальше.

15/28 июня

Спали я и Коля до 9 часов, Спичаков же проснулся гораздо позже, в 11 часов (по Ленину)³. Подошли к Жижгинскому маяку. Расположен он довольно красиво на высоком плоском берегу. Рядом с ним находятся какие-то постройки. Как жаль, что нет карты, нельзя ориентироваться. Часа через 3-4 будем в Соловках.

В Соловки приехали без всякой качки. Оказывается, что на нашем пароходе ехала какая-то зоологичка на биологическую станцию в Александровск с братом. Собираются прожить там, если понравится, целый год. В Соловках мы поселились в 2-х номерах, сходили покупаться в Святое озеро, а затем Коля и Спичаков пошли к архимандриту благословиться для отправки на молочную ферму. Архимандрит дал записку, и мы отправились. Дорога туда идёт всё время лесами. С одной стороны её попадаются озёра и холмы. Коля говорит, что природа совершенно напоминает Финляндию. Лес низкорослый из ели и берёзы. Местами попадаются кусты карликовой берёзы. Около монастыря с обеих сторон дороги луг с цветущими лютиками и незабудками. Незабудки растут на сухом месте очень крупные и душистые. На девятой версте приблизительно начинается дамба, сложенная из больших валунов, соединяющая два острова. Идёт она не прямо, а извилисто. Камни сложены рыхло без цемента, так что морская вода проходит местами через дамбу между камней, кроме того, для протока воды сделаны отверстия, в которых образуются сильное приливное и отливное течения. Когда мы шли туда, то вода двигалась влево, когда шли назад, вода шла в противоположную сторону. Вначале, по-видимому, был прилив. Около

¹ Спичаков Фёдор Александрович (Ф.А.) в 1908 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «зоология».

² Возможно, это Н.М. Кулагин (1860-1940) — энтомолог, зоолог широкого профиля. В 1884 г. окончил физико-математический факультет биологического отделения Московского университета. С 1912 по 1918 гг. преподавал в университете Шанявского, с 1919 по 1940 гг. — в Московском университете. Академик ВАСХНИЛ.

³ Астрономическое (истинное) — время по Гринвичу. Декретное время (по Ленину) — поясное плюс 1 час. Официально оно введено в 1930 г., но, видимо, уже вводили после 1917 г.

Сергиевский скит на о-ве Б.Муксалма. Фотография нач.ХХ в. Из коллекции А. Сидорова.

молочной фермы с обеих сторон дороги находится огромное количество валунов, поросших разноцветными лишайниками. Между ними кусты можжевельника, стелющихся по земле наподобие полярной ели. Далее идет целый лес берёз, похожих на фруктовые деревья. До этого берёзы были нормального вида. Ферма в Муксалме представляет из себя целый ряд солидных построек.

Коровники очень большие и хорошо устроенные. Скотину держат без подстилки. Всё содержится довольно чисто. Коровы чистые и очень хорошие с виду. Монахи говорят, что это помесь голландок и холмогорок. Лопадей было мало. Конюшня для них устроена очень удобно, по военному образцу. Курятник тоже очень хороши, но куры плохи, не породистые. Монахи нас приняли очень хорошо, дали молока, творога, простоквши и хлеба, так что мы хорошо закусили. Каждый монах обязательно расспрашивал о всех новостях. Коля всё торопил идти, но монахи спросами всё задерживали. Монахов на ферме довольно много, и там они довольно веселы. Мне было немного жаль уходить, не рассказавши им новостей, настолько они всем интересуются. По дороге обратно нас ели комары. Пришли мы приблизительно в 1 час (по-большевистски) и легли спать. Я изрядно отбил себе подошвы. Надо будет положить мягкие стельки.

16/29 июня

Утром я встал в 8 часов (по декрету) и разбудил наших. Пока попили чай и сходили в монастырь к обедне, прошло порядочно времени, так что наступила трапеза. На трапезе нас как почетных гостей посадили за средний стол. Кормят очень недурно. Сначала была солёная рыба и селёдка с квасом, потом суп жидкий из рыбы, затем варёная селёдка с жижей и, наконец, каша. Каждому богомольнику выдают по куску хлеба. В общем, после обеда я был вполне сыт. Пообедав, мы поехали в Анзерский скит и на

Голгофу. Пришлось ехать 15 вёрст по острову по хорошему шоссе, затем 5 вёрст по морю на лодке и 7 вёрст по Анзерскому острову.

Дорога по Соловецкому острову всё время идёт лесом, между видны озёра и холмы, а справа большой морской залив. Деревья в лесу большие, главным образом, ели. На многих деревьях можно легко различить северную сторону, почти лишенную ветвей. Очень интересно растут ветви у елей, они иногда спускаются совершенно отвесно, прилегая к стволу. Ветки часто расположены очень густо, в особенности с юга. Местами попадаются болотистые пространства, покрытые мхом, вереском и редкими деревьями. Всюду масса валунов, покрытых разнообразными лишайниками. Особенно поразительны какие-то ярко-красные не то лишайники, не то водоросли, покрывающие местами валуны. Кажется, как будто камни нарочно выкрасили в красный цвет. Черники колосальное количество, она покрывает почти всё пространство в лесу.

В проливе между Анзерским и Соловецким островами оборудованы пристани, сложенные из булыжников и дерева. Когда мы подъехали к морю, был отлив, и на отливе я нашёл красную морскую звезду, несколько актиний, норки *Arenicola*⁴ и под камнями огромное количество *Amphipoda*⁵. На камнях растут фукусы, ламиарии, известковые водоросли и какие-то волосо-видные, вроде комков спирогиры. При переходе нас немного покачало. Видели трёх белух.

Анзерский остров очень живописен. Около моря на больших пространствах холмы, покрытые карликовым, мягким можжевельником. Берёзы сильно искривлены, как на Мурмане. Дальше внутрь острова растительность обычна

⁴ Пескожил (лат. *Arenicola marina*) — вид многощетинковых червей из отряда Capitellida. Крупные черви длиной до 20 см, обитающие в L-образных норках, которые роют в иллюстрированном грунте.

⁵ Амфиоподы (лат. *Amphipoda*), один из отрядов высших ракообразных, мелкие раки, бокоплавы.

соловецкая, значительно преобладают берёзы. Анзерский скит⁶ находится в двух верстах от пристани на берегу губы и представляет из себя большое здание. Очень много там гнездится чаек, больше, чем в монастыре. Лежит он низко, и когда подходили, то на него открывался хороший вид. В Анзерском скиту мы попили молока, а затем поехали на Голгофу в линейках по 3 рубля с человека.

Голгофа расположена вроде Секирной церкви, очень высоко на горе, откуда открывается чудесный вид на холмистые острова с озёрами и на море. В каждом скиту богомольцы служили молебны, мы же норовили прийти к концу молебна. Очень жалко, что у меня нет фотографического аппарата. Спичаков снимал главным образом чаек, меня же интересуют характерные деревья и виды севера. Впрочем, вид с колокольни Голгофы Ф.А. снял. В Анзерском скиту на возвратном пути мы поужинали, опять-таки рыбным и простоквашей. Особенно понравился нам хлеб. Назад ехали без всяких приключений. За проезд 15 вёрст до перевоза и за перевоз на Анзерский остров монахи взяли с нас по 15 рублей. Приехали мы часов в 11–12. Отец Георгий подготовил нам самовар и по селёдке на брата. Соловецкие селёдки очень вкусны, но, пожалуй, слишком солоны.

17/30 июня

Долго спали и пили чай. В церковь пришли к концу, да и то всё время выходили. Был первый раз внутри собора. Он очень красив. Особенно мне понравилась одна икона над воротами: Спаситель в серебряном облачении. Так как был день Филиппа, то устроили крестный ход. С крестным ходом мы не попали и провели время, разговаривая с монахами. Ф.А. снял крестный ход и монастырь. После трапезы были в рухлядной в надежде подобрать какие-нибудь изделия из кожи, но в ней ничего не продают теперь. В монастырских лавках также почти ничего нет. Купили только простую деревянную ложку и несколько хороших открыток. Придя в гостиницу, узнали, что в 9 часов идёт пароход в Кемь. Решили ехать. В 1-м классе было народу очень немного, если не опираясь, одна семья. Спичаков быстро познакомился и меня познакомил. Мы расспрашивали о Кеми и о ночлеге. Оказалось, что Кемь от пристани находится в 9 верстах, и помещения для приезжих совсем нет. Придётся искать пристанища у частных людей. Напи новые знакомые приняли в нас большое участие и по приезде

на Кем(скую) пристань устроили нас на почлег у своего родственника — почтового чиновника, где нас угостили чаем. Пароход вместо трех часов шёл четыре, так как часостоял из-за тумана на якоре. Море было совершенно тихо и белого цвета. Кемь-пристань расположена на Поповом острове. Место очень неприятное. Всюду голый гранит, болота, леса нет. На острове лесопильный завод и много деревянных построек. Улицы также мощеные деревом. Всюду валяется масса щепы и мелких досок без всякого употребления. Вообще место производит впечатление чего-то неубранного. От материка остров отделяется мелководным проливом, пересыхающим во время отлива, по-местному — салмой. Спать мы легли очень поздно.

18 июня / 1 июля

Утром нас разбудили часов в 8. Спать хотелось, Бог знает как. Почтовый чиновник Терентьев устроил так, что наши багажи были отправлены на станцию железной дороги на почтовой лошади. По дороге видели мелкую корову, вроде тех, которые раньше видели в Керети, но несколько больше. Поезд из Кеми приходит когда вздумается, очень нерегулярно. Ждать его пришлось очень долго. Наконец, пришёл паровицок с одним вагоном, так как кроме нас было много пассажиров, пришлось прицепить ещё два товарных вагона, в которых мы и поехали от Кеми-пристань до ст(анции) Кемь 9 вёрст. Станция расположена в 4 верстах от города, лежит на торфяном болоте. Всюду грязь, беспорядок. Строятся новые бараки. Чтобы пройти и проехать, приходится застилать дороги щепой. Место самое гиблое. Мы хотели оставить вещи на хранение и идти в город, но это оказалось совершенно невозможным. На станции никто, начиная с начальника станции до сторожа, не взялся подержать у себя вещи. Наконец, после долгих мытарств удалось устроиться в комнате в паровозной бригаде. В комнате оказался простой стол и две кровати. С виду всё было довольно чисто. Большим удобством было то, что можно было постоянно брать кипяток из куба. Удалось нам, в конце концов, устроиться и с обедом в железнодорожной столовой. За 1 р. 50 к. нам дали ухи с двумя рыбками и капши. Хлеба можно было есть вволю. С чаем и обедом мы проканителились часов до четырех. После обеда мы пошли в город и зашли за одной учительницей, с которой познакомились на пароходе, с тем, чтобы идти вместе на водопад. В городе, пока Спичаков разыскивал учительницу, мы с Колей выкупались в реке против собора, т.е. в центре города. Город

⁶ Троицкий скит на о-ве Анзер.

Поморки. Фотография нач. XX в.

паршивый, улицы представляют из себя болота. Хорошо ещё, что всюду понаделаны деревянные тротуары. Все дома деревянные. Есть три церкви. Лавок почти нет. Учительница Серафима Алексеевна Терентьева со своей двоюродной сестрой Александрой Васильевной согласились идти с нами. После продолжительных хлопот нам удалось достать на земской станции лопадь и карбас до деревни Подужемье. На лопадь мы положили венцы, сами же шли 12 вёрст пешком, а потом ехали 10 вёрст в карбасе. Река Кемь очень красивая. Дорога всё время идёт вдоль неё. В том месте, где начинается лодочный путь, река широка. Раза в два шире (лист дневника пропущен).

В Подужемье мы приехали поздно, часов в 9, попили чай и поплыли на водопад. Водопад похож на пороги, но очень мощный. Коля говорит, что он не меньше Имандры. Так как мы были на водопаде поздно, то решили посетить его ещё утром. Ночевали мы в школе. Деревня Подужемье (водопад называется Ужма) населена карелами, попадается очень много красивых лиц, особенно хороши дети. Все белобрысы или шатены. Женщины носят кокошки. С собой мы взяли только хлеб и позеленевший сыр, и его пришлось выбросить. К счастью, удалось достать молока.

19 июня / 2 июля

Утром рано нас разбудили наши спутницы. Спать очень хотелось. Похлебав молочной лапши и выпив чая, мы на двух маленьких, очень хорошо построенных лодочках, отправились вверх по

реке к водопаду. Сначала высадились на левом берегу, а потом переправились на правый. Сничаков сделал несколько снимков с левого и правого берегов.

Около берега водопада устроены заборы для сёмги, самый большой не длиннее $2 \frac{1}{2}$ сажени, большинство же около сажени. Всё время была такая жара, что мы совершенно взмокли и решили выкупаться. Купались мы около водопада на тихом месте, было очень приятно. Сейчас же после купания мы вернулись в деревню и, не выпив чаю, поехали обратно вниз по течению. Сначала нам предстояло съехать по порогу, большая часть компании от этого удовольствия отказалась. Мы же с Колей поехали. Везли нас две карельских девицы, а на руль села их мать-старуха, которая заявила, что девицы одни не смеют спускаться по порогу. Когда мы подъехали к порогу, нас быстро понесло и на самом пороге немного покачало, но в общем дело произошло совершенно просто, и я не испытал никакого чувства беспокойства. Может быть, это зависело от той уверенности, с какой держали себя карелки. Вообще жители Ужмы, по-видимому, совершенно сроднились с рекой. Все они промышляют сёмгой и в каждом доме есть одна или несколько лодок. Лодки, насколько я мог заметить, двух типов: карбас и <нрзб.> Последний меньше и уже и очень быстр на ходу.

Деревня Ужма очень велика и типично поморского типа. Дома большей частью деревянные двухэтажные. Внизу живут хозяева, верх же служит для гостей. Живут карелы очень

Подразделение сербов на Мурманской железной дороге

Фотография 1919 г.

<http://www.kolamap.ru/arh/intervencia.htm>

чисто. Большая часть сведений этих сообщена мне Сер(афимой) Ал(ексеевной) Терентьевой. Улицы, как почти везде на севере, представляют из себя болото, несмотря то что деревня расположена на склоне берега. Если бы были проведены поперёк канавки, несомненно, что при самых минимальных затратах дорогу можно было бы осушить. Но в этом нет надобности, так как езда летом почти не производится. Все лопади, как сообщила С.А., летом находятся за рекой. Всюду в деревне деревянные тротуары. На улице видны очень мелкие овцы. Спустившись по порогам и объехав живописное кладбище, расположенное на островке, мы подъехали к реке немного ниже. Там подошла и остальная наша компания. Вниз по реке нас повезли две девицы, старуха же осталась в деревне. Мне очень понравилась одна из требущих, девочка 14 лет, с замечательно красивым и симпатичным лицом по имени Аннушка. По течению мы ехали очень быстро и, вероятно, через час были у конца водного пути зашейка⁷. Дальше лодки обыкновенно не спускаются из-за порогов. Но жители Ужмы иногда спускаются до самой Кеми, но не все на это решаются. По словам С.А., в Подужемье есть только четыре капитана, которые решаются на это. Дальше мы шли пешком до железнодорожной линии, где простились с нашими спутницами.

Придя в кондукторскую бригаду, мы выпили огромное количество чаю, и я лёг отдохнуть на кровать, сняв с себя всю верхнюю одежду, но спать пришлось очень недолго. Вскоре я почувствовал укусы на руке и обнаружил клопа. Я вскочил и увидел целую армию клопов, вылезающих

из стены и ползающих по подушке. Пришлось мысли об отдыхе отложить до более удобного случая. Мы решили поэтому пойти покупаться в реке и там где-нибудь поспать, но предварительно Коля попёл на станцию разузнать, когда пойдёт поезд.

На станции он увидел, что всё занято англичанами, французами и сербами. Красногвардейцы же обезоружены. Мы обратились к английскому полковнику с вопросом, можем ли мы рассчитывать проехать дальше на Мурманск. Он сказал нам, что если у нас нет оружия, то можно. Вообще движение будет совершаться правильно. Занята станция была без одного выстрела. Сербами были арестованы четыре мадьяра, служившие в Красной Армии.

После этого мы поплыли к железнодорожному мосту, охраняемому английскими войсками. Испугавшись, мы легли спать. Чтобы не кусали комары, я накинул на голову капюшон. Вскоре мы услышали глухой взрыв, потом ещё. Придя на станцию, мы узнали, что в Кеми в английский отряд была брошена бомба из Совета. Англичане стреляли и, по слухам, убили три или четыре человека, председателя и секретаря Совета. На станции в это время образовались маленькие митинги, где обсуждали создавшееся положение. Настроение довольно трудно уловить: есть большевики и не большевики. Многие выражают радость, что красноармейцев прогнали, другие, наоборот, по-видимому, этому не сочувствуют. Ораторствуют на митингах, главным образом, сербы, которые недурно говорят по-русски. Всюду стоят англичане в полной боевой готовности. Вскоре послышался свисток подходящего поезда. Англичане остановили его за мостом и что-то долго осматривали. Наконец, поезд пришел. Англичане и сербы тотчас же заняли все входы и никого не пропускали внутрь и наружу. Всё время какие-то их отряды шныряли по поезду, что они там делали, не знаю. Но, по-видимому, осмотр был произведен раньше. Через некоторое время охрана была снята. В общем иностранцы держатся вполне корректно. Многие из офицеров говорят по-русски. Уехали со станции Кемь мы (к) 1 часу ночи после очень долгой стоянки. С нами поехала и Сер. А. Едет она к своей сестре в Колу. Ужасная неприятность: всё время ловлю на себе клопов, а во время купания изловил даже вонь. Сейчас вся одежда моя пропиталась потом и грязью, но я решил не менять её, пока не приеду в Мурманск. Там схожу или в баню или искуплюсь.

⁷ Зашеек — водный плес.

20 июня / 3 июля

Ночью спали вдвоём со Спичаковым на одной лавочке. Была страшная жара и духота, так что обливался потом. Поезд идёт медленно и слегка покачивается. Всё указывает на то, что дорога построена наспех. Насыпь в некоторых местах идёт по болоту и укреплена горизонтально положенным хворостом. В таких местах, вероятно, особенно качает. Дорога всё время идёт лесом. Преобладают ели и сосны, берёз мало. Лес во многих местах выгорел, в других вырублен, всюду много валежника. Сосны и ели довольно далеко стоят друг от друга. Много озёр. Расспрашивал спутников о Мурманске. Говорят, что там всё есть и не дорого. Крупу и хлеб выдают без карточек. Можно купить рыбы. В Александровске гораздо хуже. Севернее Кеми дорога по-прежнему охраняется красноармейцами. На каждой станции поезд стоит около часа, так что вперёд мы подвигаемся еле-еле. Сейчас переехали Полярный круг, но, несмотря на это, изнываем от жары. К доверию всего, из продуктов у нас остался только хлеб, да и то плохого качества. Авось, в Кандалакшу нас встретят студенты и дадут чего-нибудь поесть. Вагон наш испакощен. Со всех диванов сорваны покрышки и матрасы прорваны. В доверию всего летят постоянно искры, прожигают платье. Пассажиры рассказывают, что вагон уже два раза пытался гореть. Едем всё время лесом еловым и сосновым. Поражает огромное количество валунов. В некоторых местах настоящие каменные россыпи. Сначала местность более или менее ровная. Ковде же и к Кандалакше в особенности местность становится всё холмистее и живописнее. Особенно живописна местность около Кандалакши. Коля говорит, что она напоминает итальянские озёра. Недалеко от Кандалакши находится по дамбе переезжать через морской залив, правда, неширокий.

Станция Кандалакша находится от деревни и пристани в 3-х верстах. Не доезжая станции, нас остановил сербский солдат, который после остановки поезда ушёл и спрятался за камень. Вскоре из-за камней к нам подошли другие сербы с винтовками и стали около вагона. Офицер с несколькими солдатами и произвёл осмотр пассажиров. Осматривали довольно поверхно. С одним офицером мы немного поговорили. Вообще все — и офицеры, и солдаты хорошо говорят по-русски. Один солдат сказал, что ему совестно идти воевать против русских, которые их и кормили, и поили. И сказал, что лучшего народа нет на свете. Все очень просили газет, и пассажиры отдали всё, что было. Офицер говорил,

что сербы здесь, чтобы охранять русские интересы. В Кандалакшу оказалось несколько сербских и английских эшелонов. Англичане тоже прошли через наши вагоны. Наконец, поезд тронулся, и мы подъехали к станции.

Станция производит впечатление, как и везде по Мурманской дороге, необустроенной. Студентов на станции не оказалось. Коля купил, конечно, сёлдок, а затем мы отправились обедать в станционный буфет, где нам дали мясной суп и жареную солёную щуку с капеи за 7 рублей. После обеда я отправился в деревню за 3 версты в надежде разыскать наших. Справившись я человек 10, но никто ничего не знал. Всё время, пока я ходил, шел порядочный дождь. Деревня очень хорошо расположена и красиво. Хороши две церкви, сделанные из дерева и окрашенные в белый цвет. Теперь в Канд(алакши) много изменилось, построены новые бараки, дома, пароходная пристань. От пристани проложены рельсы к станции. Стоит много паровозов. Лес между деревней и станцией выгорел и производит неприятное впечатление. Вообще горелых мест около жел. дороги очень много. Вернулся на станцию я в 3 часа (по декрету), но поезд ешё и не думал собираться в путь. Уехали мы только в 6 часов, простояв на станции часов 8. Спичаков узнал у одного английского офицера, что на Западном фронте у англичан большой успех, и они взяли 50 000 пленных.

21 июня / 4 июля

Часов в 6 уехали и вскоре приехали на ст. Запеек, где поезд только остановился из-за порчи пути. Стояли мы очень долго. Закусили копченными сёлдоками и захотели пить, но оказалось, что кипятка на станции нет. Коля раздобыл чайничек. Сначала мы пробовали вскипятить его на плите, но ничего не выплю. Сняли с плиты и поместили чайник на костёр. Здесь дело пошло гораздо лучше. Простояв часа три, мы поехали обратно в Кандалакшу. В Запееке есть лавочка, где можно кое-что купить. Хлеб стоит 4 копейки фунт, спички — 40 к. пачка, свиное сало — 90 к. фунт, кофе — 90 к. фунт, сёлдоки по 40 к. фунт. Мы, к сожалению, ничего не купили, так как лавка находится в версте от станции. На возвратном пути у паровоза сгорели подшипники, и мы остановились на берегу Нивы. Сейчас сидим и ждём, что дальше будет. Наконец, приехали в Кандалакшу. Вот уже 11 ½ часов ночи, а мы всё стоим. Собираются небольшие группы и беседуют о всяких событиях. Сербские солдаты обыкновенно в центре групп. Разговоры обычные: ругают Красную Армию и жидов. Какой-то рабочий

привёл серба с тем, чтобы арестовать еврея, едущего на нашем поезде. Но серб сначала спросил, что этот еврей сделал. Конечно, никто не мог сказать. Тогда серб сказал, пускай себе едет. Серб оказался очень интересным с виду. Правильные черты лица и длинные белокурые усы, спускающиеся книзу, почти как у Тараса Бульбы. Вообще все сербы хорошо говорят по-русски.

Познакомился с английским капралом. Великолепно говорит по-русски и, как две капли воды, похож на русского. Действительно оказался русским, хотя и скрывает это. Он сообщил, что среди них едет много инструкторов по всем военным специальностям. По его словам, французы относятся презрительно к русским, а англичане же нет, и в большинстве случаев понимают, что все поступки России происходят оттого, что в ней 80 % безграмотных. По его словам, партия мира в Англии слаба. Наоборот, во Франции она сильна. И когда немцы предложили Франции заключить мир насчёт России, там раздавалось много голосов, чтобы пойти на это предложение. По его словам, в задачу союза входит образовать кулак на востоке, чтобы при мире немцы не могли заявить, что они распоряжаются в России вполне самостоятельно. На одном вагоне, занятом сербами, написано с одной стороны: «Мы покидаем тебя русский народ, но не забываем, и Х.В.», а на другой: «Мы умрём не на соломе, а на поле брани». Очевидно, надпись сделана тогда, когда они уезжали с Русского фронта. Каждый английский солдат должен утром бриться, а если не побреется, будет наказан. В одном из вагонов с надписью «затвор» сидят арестованные сербы. Они очень хорошо пели. Какой-то англичанин сказал, что им там хорошо, так как они могут и сапоги снять. Это намёк на то, что когда англичан наказывают, то их ставят на некоторое время в полном вооружении.

Пока поезд стоял в Кандалакше, я успел выспаться и пообедать. Ел я уху и жареную селёдку. Последняя, к сожалению, была холодна. Пил несколько раз чай на станции, жалко только, что не сходил погулять. Уж очень неопределённо время отхода поезда.

Дорога от Кандалакши до Запеек очень долго идёт вдоль Нивы и около озера, мимо которого мы не проходили в первый раз. Станция Запеек расположена на низком месте и так, что озера от неё не видно. Сейчас уже 1 час, а мы всё ещё в Кандалакше.

22 юля / 5 июля

Выехали из Кандалакши в 7 ½ часов, и я спал вплоть до Хибин, до разъезда Белый. Попробовал

было вылезти, но совершило заели комары. Пока это самое комариное место. На Хибинах видны прослойки снега. Имандру я пока не вижу, сижу с другой стороны. Вдоль Имандры идёт путь с правой стороны. Местами открывается великолепный вид на Чупи-тундру. Лес вдоль дороги или вырублен или сожжен, так что местность совершенно обезображенна. Среди обожженных пней стоят наскоро построенные бараки для рабочих и дома стационарных служащих. Сам путь очень плох, местами даже на глаз видно, что рельсы проложены криво. Когда поезд идёт, то его качает, как в море. Между Кандалакшей и Запееком рядом с путями лежат разбитые товарные вагоны. Дальше за станцией Оленьей лежит целый состав пассажирского поезда. Говорят, месяца два тому назад здесь было крушение с большим числом жертв.

После Запеека поезд останавливается в Белой губе, Хибинах (недалеко от Юм-Егора), в Имандре и Ягельном бору. Кажется, все эти станции расположены по Имандре. Если бы не вырубленный лес с неприбранными пнями, место на станциях Хибины и Имандра было бы очень красиво. С одной стороны озеро, с другой же — живописные горы. На ст. Хибины устроена пароходная пристань, на которой стоял пароходик и лесопильный завод. Почва там песчаная и сухая, и комары не так едят, как в Кандалакше и особенно Белой губе. На каждой станции мы стоим очень долго, иногда по несколько часов. По дороге от Оленьей губы опять по сторонам дороги попадаются сброшенные вагоны, очевидно, крушения бывают часто. Чем ближе к Коле, тем места становятся всё живописнее.

Особенно живописна сама река Кола. Она быстро несётся между высоких берегов, поросших лесом. Местами течение её становится слабее, и она разливается между песчаными пляжами. Берега по большей части сложены из валунных морен. Иногда же попадаются и песчаные обрывы или обрывы, сложенные из донной морены, сложенные главным образом из песка с небольшой примесью валунов. Такова гора Соловарка около Колы. Чем ближе к Коле, тем всё более и более появляется низкорослой берёзы. Её очень приятно видеть после обгорелых хвойных лесов центра Лапландии. Из-за берёзы все холмы сплющены зелёные. По дороге видел цветущую рябину и черёмуху. Станция в Коле расположена на правом берегу реки и довольно далеко от города. Дорога идёт вдоль Кольского залива на расстоянии 17 вёрст. Места очень красивые. Мурманск расположен против Абрамовой пахты и производит впечатление рабочего посёлка, только что отстроенного. Всюду грязь и беспорядок.

Александровск. Фотография 1910-х гг. Из архива В.Д. Григорьева

На рейде стоят несколько военных судов, есть и коммерческие.

Мы съели все свои продукты, осталось только немного хлеба. Коля ходил на станцию, там ничего нет. Нет даже кипятка. Ф.А. попшёл в краевой Совет, может быть, ему удастся что-нибудь устроить, а то сегодня мы не ели ничего кроме хлеба и масла. Коля даже с лица осунулся. А между тем все говорят, что жить здесь дёшево. Можно получить крупу разных сортов, муку, консервы, мясо, солонину, хлеб белый и чёрный. По 8 коп. — белый и по 5 коп. — чёрный. Но пока сидим без пищи. Говорят, что на 100 рублей здесь можно прожить прямо буржуем. Масло и маргарин продаются по 1 р. 20 коп. Есть растительные жиры разных сортов. Сейчас вернулся Сп(ичаков) и принёс две коробки сардин и хлеба три фунта.

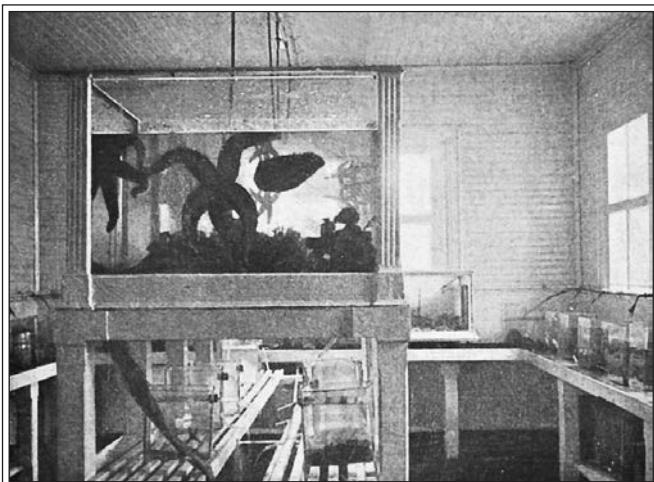
23 июня / 6 июля

Утром Коля разбудил нас в 6 ½ и стал торопить на пароход (ночевали мы в вагоне). Вставать очень не хотелось, но кое-как встали и понесли вещи на пароход. Сначала попшёл я с Колей. Спичаков же остался одеваться в вагоне. Отнеся вещи, я вернулся и встретил Спичакова с каким-то типом, которого он подрядил для помощи. На пароход пришлось перелезать через два тральщика без всяких приспособлений, даже без тросов.

Сам пароход оказался грязным и изломанным, как вообще все пароходы РОС.(сийской) Сов.(етской) Фед.(едеративной) Республики. Так как вечером в Мурманске мы не могли достать кипятку, нам очень хотелось пить. Решили мы попить чай на пароходе. Дали нам жидкого чая с небольшим количеством сахара и по одной галетке, и за это удовольствие взяли 9 рублей. Очевидно, товарищи не прочь поспекулировать. После чая, основательно вспотев, я вышел на палубу, где меня продуло, и я немного простудился. Стояла чудесная погода, и Кольский залив был великолепен. Вообще погода всё время благоприятствует.

По прибытии в Александровск мы обратились к Адрианову с просьбой устроить нас на квартиру. Нас поместили в церковно-приходской школе без всяких удобств. Обедали мы у Адрианова и ели треску, шанежки и пили чай. После обеда мы с Колей легли отдохнуть. Сп(ичаков) же попшёл в продовольственный отдел и получил яйца по 5 руб., пшеничной муки 30 фунтов и ржаной, 9 фунтов гречневой крупы. Но несмотря на это, мы всё время голодали.

Отдохнув, мы отправились на биологическую станцию. Теперь она сильно разрослась. Построено два порядочных дома, один в два этажа, другой в 2 ½, но внутри всё загажено. Вся мебель раскрадена, осталось только несколько столов и табуреток, да и то в полуразрушенном

Аквариальная на Мурманской биологической станции
Открыта 1911 г.

<http://www.kolamap.ru/arch/img/opencard/thumb.html>

виде. Столы без линолеума. В некоторых местах товарищи сделали новые перегородки. Вообще, всё внутри производит отвратительное впечатление⁸. Заведующего на станции мы не застали. Станцию нам показали его жена и одна московская курсистка Ордынская, случайно попавшая на станцию и там работавшая по химии жиров рыбы. Всё время чувствую себя плохо, как будто бы есть даже маленький жар. Придя домой, я лёг. Спичаков и Коля стали устраивать обед. Им удалось сговориться с одной колонисткой. О цене пока не уговорились. В 11 часов мы попали к ней пить чай. Она нас угостила белыми булками и пирогом с треской. Всё было вкусно. Может быть, с нас слупит бог знает сколько. После ужина я уснул. Спичаков же и Коля стали дожидаться полуночного солнца.

24 июня / 7 июля

Проснулся около 8 часов, но решил ещё спать, чтобы окончательно отдохнуть от дороги. Наконец, встал вполне окреп(ший) около 11 ½ часов, Коля и Спичаков ещё спали. Пили мы

⁸ «Обще-Европейская война, вспыхнувшая в 1914 г. далеко отодвинула все предполагаемые работы. В 1905 г. здания Станции были заняты Морским ведомством и всякая научная работа на ней прекратилась. Когда в 1918 г. Морское ведомство освободило здания Станции, последние представляли из себя грустную картину: сплошь выпачканы и закопчены стены, поломанные печи, ручки и замки у дверей, водопроводные трубы, разбитые стёкла и вдобавок ко всему невероятные кучи мусора. Руки опускались при взгляде на этот погром и разрушение... Казалось, что она долго не оправится и всякая научная работа на ней будет парализована. В довершение всего Мурманский край был занят английскими войсками, и связь с Центром была прервана. Из служащих на Станции не осталось ни кого кроме меня...» — см.: Клоге Г.А. Исторический очерк развития Мурманской биологической станции. Пр., 1925.

чай в первом часу. После чая я взял микроскоп и попёр на станцию с намерением позаняться. Вчера я обнаружил, что ключи от моего микроскопа потеряны. Придётся замок взломать, так как у Спичакова нет иммерси(онного) окуляр-микрометра. На станции у меня ничего не вышло. У госпожи Клоге не было ключей от инструментов и посуды. Посмотрел я только коллекции. В общем они в плохом состоянии. Потом попёр в библиотеку. Взял было книгу (неразборчивое название на иностранном языке), но не мог даже начать, стало клонить ко сну. Всё время чувствую какую-то слабость. В 4 часа попали обедать. Ели камбалу и макароны и пили кофе. Хозяйка пока кормит недурно. После обеда по предложению хозяйской дочери решили идти в Питьково смотреть лов сёмги. Место это находится в 7 верстах от Александровска.

Вчера я пытался отправить телеграммы Сане и Жене (родственнице, находящейся в это время на южном фронте, и жене), но оказалось, что сегодня в Александровск приехало несколько англичан, которые распорядились не отправлять телеграммы в Архангельск, т.к. последний ещё не в их руках. Провод на Москву и Петроград ещё действует, но чиновники в Москве и Петрограде телеграмм не принимают, опасаясь расстрела красногвардейцами. Т(аким) о(разом), мы оказались совершенно отрезанными от всего мира. Газет никаких здесь нет. Циркулируют слухи один невероятнее другого. В Александровске остались красногвардейцы с ружьями. По слухам, южнее Кеми железнодорожные пути прерваны и мосты взорваны. Но насколько всё это верно, неизвестно. О студентах пока ни слуха, ни духа. Вчера узнали, что «Бибиков» пришел в Териберку. Попытаемся узнать по телефону, не приехали ли туда студенты. Последнее вероятно, так как за несколько дней до нашего приезда в Александровск на Териберку отправился отсюда пароход, другой же пароход отправился на западный Мурман. Александр Пот. говорит, что на пароходе «Новая Земля» были студенты, которые, по всей вероятности, высадились в Кандалакшу и там остались, так как на проходящий поезд они вряд ли поспели. Говорят, что мосты и пути около Кеми взорваны финнами.

После обеда, нанеся кратковременный визит Адриановым, мы отправились в Питьково на берег Кольского залива за 7 вёрст от Александровска. По дороге к Адриановым видели десант из французских матросов. Говорят, что они займут посты у почты. Сейчас мы отрезаны от всего мира за исключением Англии. В Питьково мы

поплыли в 5 часов. В качестве проводника с нами поплыла дочь хозяйки с сыном (год и 7 месяцев). Мальчика пришлось нести по очереди. Дочь хозяйки плавала так быстро, что мы еле поспевали. Дорога идёт всё время по горам. Местами попадаются живописные скалы, озерки, болотца, открываются чудесные виды на Кольский залив и выход в океан. День стоял ясный, и море было темно-синее. Почва всюду торфяная, поросшая мхом, карликовым можжевельником, полярной берёзой и ягодными растениями: морошкой и черникой. В низких местах часто попадается багульник. Встретили одну маленькую рябинку, кусты ивы. Кроме полярной берёзы попадается и другая с более крупными листьями. Последняя очень невысока, около 1–1½ сажень, с изогнутыми стволами и корявыми ветвями. Местами было огромное количество комаров, и нам пришлось надеть накомарники. Мы всё время шли по ветру, и я заметил, что если повернуться против ветра, то комаров становится значительно меньше. Очевидно, здешние комары не могут бороться даже против слабого ветра.

В Питьково мы пришли в 6 ½ часов и выпили молока у Федоры. Здесь на севере молоко подают не в крынках, а широких чашках. В избе было много народа. Мужики — очень крепкий народ, и по типу некоторые напоминают норвежцев, как их рисуют в географиях. Разговаривали о промыслах. Питьковцы промышляют теперь сёмгу в маленьких губках, но собираются идти под Кильдин за треской. Цены, назначенные Центросоюзом, — 13 руб. пикша и 18 руб. треска, находят низкими, так как снасти очень дороги, да и не достанешь их. Соль стоит 4 руб. 75 к.

Все признают, что палубные боты удобнее для промысла. Только в тех становищах, где находится лодки оставлять на обсушном месте, как, например, в Гавриловке, бот неудобен. Шняка перед йолой⁹ имеет то преимущество, что очень прочна. Йолу, если чуть заденешь, можно легко повредить. Введению новых судов противятся старики. Отдельных наживочных предприятий не существует кроме Могучего¹⁰. Последний же

⁹ Шняка, йола — типы поморских промысловых судов.

¹⁰ Епимах Васильевич Могучий, 1873 г.р., крестьянин Онежского уезда, проживавший в Архангельске. Факторист, имел многочисленные склады и базы по Мурманскому берегу, занимался скупкой рыбы, тюленей и т.д., продажей рыбакам и колонистам мануфактурных и бакалейных товаров, орудий лова. В 1913 г. организовал на Мурмане наживочный промысел на своих судах. В 1914–1920 гг. председатель Союза поморов-судовладельцев. Имел парусно-моторную шхуну «Андромеда», в 1914 г. купил пароходы «Стерлинг», «Губернатор С.Д. Бибиков». С 1916 г. «Губернатор С.Д. Бибиков» реквизирован и совершил рейсы, связанные с военными нуждами. — См.: Мельник Т.Ф. Могучая империя в Поморье. Архангельск, 2012.

больше засаливает рыбу для себя. Наживку часто привозил кислой. Впрочем, был и ещё один промышленник, промышлявший наживку на моторе. Лучшей наживкой считается песчанка, сельдь хуже всего. В нынешнем году рыба сильно запоздала, попадается только у Кильдина, но рыбы очень мало.

Попив молока, мы поплыли дальше за две версты смотреть семужный лов, но не видели ничего кроме сетей, стоявших в воде. Людей там совершенно не оказалось. Отдохнув немного, мы отправились домой. Около семужных тонь я нашёл во мху на скалах несколько жирянов (Pinguicula)¹¹ длиной до 1 аршина, почти белый сфагнум. Последний, очевидно, был принесён ручьём и отбелился на солнце. В это время начался ветерок, и комары пропали совсем. Когда шли обратно в Питьково, то всё время сбивались с дороги, так как тропочка очень незаметна. В Питькове пришлось подождать нашу спутницу. В это время Спичаков снял оригинальный домик, наполовину сделанный из лодки. Питьково населено русскими колонистами и с виду не очень привлекательно. Домики маленькие, около домов навалены какие-то доски, щепа, местами падалью пахнет, всюду беспорядок. Внутри же избы гораздо опрятнее. Сам посёлок расположен вблизи ручья, впадающего в губу. Поселенцы производят семужный промысел как здесь, так и дальше по берегу в маленьких губках.

Назад мы шли быстро. Ребёнка почти всё время несла мать, потому что у нас на руках он всё время плакал. Комаров совсем не было. Пришли мы домой в 2 часа ночи, поели великолепную уху из сёмги и выпили по 3 стакана кофе, а затем легли спать.

25 июня / 8 июля

Опять поздно встали, в первом часу. В третьем часу я поплыл на станцию. Так как там была Ордынская, то мне удалось кое-что получить из посуды. Но, по-видимому, на станции посуды очень немного, инструментов очень мало. Удалось достать один ломаный скальпель, пинцет и две иглы. Просидел очень недолго, до 4 часов, и поплыл обедать. Ели пирог с сёмгой и сладкий рис. На станцию приехали служители, которые промышляют на станционном боте. Привезли трески и пикши пудов 20. Ловили около Кильдина на поддев. Особенно удачно шёл лов в воскресенье, когда никто из промышленников кроме них не

¹¹ Род многолетних насекомоядных растений семейства Пузырчатковые.

Одна из деревень на Мурманском берегу. Открытка нач. XX в. Из коллекции А. Сидорова

выезжал. Сегодня в море сильный ветер и туман, поэтому они и решили вернуться. К тому же оказалось необходимым немножко приспособить бот и пристроить штормовой якорь, который позволяет судну несколько дрейфовать. По мнению того, с кем я беседовал, рыба, если судно всё время стоит на одном месте, начинает брать всё хуже. У них же был как раз такой якорь, который не позволяет дрейфовать.

После обеда долго кантелились. А потом я пошёл на станцию заниматься, но скоро туда пришёл Коля и позвал в баню. Ходили на телефон справиться, прибыли ли наши в Териберку. Нам ответили, что студент Никитин в Териберке. Таким образом, наконец-то, след разыскан. Мы послали ему телеграмму и ждём ответа. После ужина Спичаков играл на скрипке, а я улёгся спать. В это время заметили чиновника радиотелеграфа и решили позвать его на предмет расспроса о новостях. Он сказал, что определённого ничего неизвестно. Знает только, что гр. Мирбаха убили левые эсеры, которых арестовали. Чехословаки заняли Ярославль, а ещё раньше было известно, что в их руках Казань. Телеграф в Москве в руках контрреволюционеров находился всего два часа и вскоре был опять занят советскими войсками. По французским сведениям, Ленин бежал. Почтово-телеграфные служащие устроили в Александровске совещание, на котором присутствовали представители Франции и Англии. Последние гарантировали провиант

и жалование. Из почтовых служащих четверо поступили добровольцами.

26 июня /9 июля

Утром ходили с Ордынской на отлив Палатубы. Я надеялся, что найду там *Acantodoris*¹², но ничего не нашёл, несмотря на тщательные поиски. Под камнями поймали двух рыбок. Нашли много звёзд *Purgula* с яйцами, несколько губок и актиний. Пока шли туда и обратно, я несколько раз на подъёме задыхался. Должно быть, годы сказываются. Оставил материал на станции, пошёл обедать. После обеда встретил Б.А. Адрианова, который передал нам телеграмму от Никитина. Оказалось, что «Бибиков» и «Вельможа» в Мурманске берут продовольствие, и Никитин сообщает, что они найдут за нами в Александровске. Пришлось мне опять идти на станцию ликвидировать свою работу. Случайно среди материала оказалась одна *Acolita*(?). Со станции я ушёл, оставив там микроскоп, в надежде, что наживочные пароходы¹³

¹² Голожаберный моллюск.

¹³ Наживкой может быть мойва и песчанка (мелкая рыба). Бывает, что в каком-то месте есть треска, а нет наживки, и наоборот. Для этого существуют специальные наживочные пароходы, которые доставляют наживку по телеграфным требованиям. Добрую треску в становище и потрошат, и солят. Головы сушат отдельно, и они в становищах висят на особых навесах рядами, распространяя зловоние. — см.: Шванович Б.О. Мурман и Мурманская биологическая станция. // Естествознание и география. 1915. № 6–8.

придут не скоро и можно будет немного поработать. Я забыл сказать, что утром приехал Герм(ан) Авг(устович) Клюге¹⁴. С виду он человек симпатичный, так же, как и его жена. Утром на станции был также Брейтфус¹⁵, с которым я ещё не познакомился. Со станции я пошёл к уполномоченному Центросоюза Бергману, где мы условились все встретиться. Попили там чай.

Пока я был на станции, Спичаков получил другую телеграмму, что наживочные пароходы за нами не зайдут, а в Александровск придет пассажирский пароход, который и сможет увезти в Териберку. Таким образом, оказалось, что нам придётся ехать сегодня. Одно неприятно, мы отдали бельё в стирку, и оно ещё не готово. Хозяйка опять нас вкусно накормила ужином. Мы расплатились, и взяла она с нас за 3 дня 96 рублей. Принимая во внимание, что каждый день мы ели сёмгу, цена не очень велика, да и еда всё время была вкусна и обильна. Придя домой мы только обсуждали, ехать ли нам сегодня без белья, или подождать наживочные пароходы, или ехать в Мурманск. В это время мы увидели, что один матрос что-то сигнализирует. Мы особенного внимания на это не обратили. Так как была уже полночь, то Ф.А. пошёл на гору смотреть полуночное солнце. На рейде он увидел пароход, который, постояв очень непродолжительное время, ушёл так же, как и пришел, без всяких свистков. Оказалось, что это тот самый пароход, который шёл на Восточный Мурман. Свистки он не давал потому, что это был военный посыльный пароход. Из нашего помещения рейда не видно, и о прибытии парохода мы узнали только случайно. Пришёл сказать об этом Адрианов. Мы имели все основания не беспокоиться относительно парохода, т.к. раньше ещё говорились с начальником порта, что он известит нас, как только узнает, когда пароход отойдёт от Мурманска. Таким образом, наш отъезд отсрочили. После отхода парохода к нам пришёл Адрианов отец, который вместе с сыном просидел у нас часов до пяти. Придётся завтра постараться уехать на наживочных пароходах.

27 июня / 10 июля

Утром ходили к начальнику порта Госновскому Максу Робертовичу с тем, чтобы через портовый телефон созвониться с Никитиным.

¹⁴ Клюге Г.А., заведующий Мурманской биостанцией до и после 1918 г. Ученый мировой величины, специалист по морским беспозвоночным.

¹⁵ Брейтфус Леонид Львович (Людвиг Готлиб) — немецко-русский зоолог и гидрограф, исследователь Арктики. Первый стал использовать самолёты для поиска судов во льдах.

Он обещал его вызвать к 4 часам. К 4 часам это сделать в Мурманске не успели и обещали вызывать его к 6, но и в 6 дело было не лучше. Оказалось, что наживочные пароходы стоят далеко на рейде. Порт же не располагает большими плавучими средствами, и вызвать Никитина или капитанов наживочных пароходов не могут. Таким образом, мы опять не можем снестись с Никитиным. В разговоре Госновский сказал, что получили известие о том, что «Михаил Собинов» вышел из Гаврилова и ожидается в Александровске вечером. Он предложил ехать в Мурманск на этом пароходе. Всем нам не было расчету ехать, и я решил ехать один. Только успели мы поужинать, как пришёл пароход. Я поспешил было на него, но оказалось, что он будет стоять не менее чем до 12 часов следующего дня. Привёз он 14000 пудов соли для Центросоюза и будет долго выгружаться. Вследствие этого я решил перенести вещи обратно. Сами же пошли гулять на гору Вестника. Ещё раньше, утром я и Спичаков взирались на гору Энгельгардта. С обеих гор открывается чудесный вид. Получили телеграмму от Байкова¹⁶, что он в Териберке и с ним Андрусов¹⁷. Хотя «Мих. Собинов» пришёл из Архангельска, но никаких новых известий. Мы буквально отрезаны от всего мира.

28 июня / 11 июля

Сегодня впервые после нашего отъезда из Архангельска пасмурный день. Ветер довольно сильный, и в море должно быть волнение. Встал я в 10 часов и попытался на пароход узнать, когда он отойдёт. Говорят, что не скоро, так как остались не выгруженными 8 ½ тысячи пудов соли. По всей вероятности, он простоит до вечера. В 12 часов пришёл от Бергманов мальчик сказать, что через полчаса в Мурманск пойдёт «Орлик». Я поспешил на пароход. Но ушёл он только часа через три. Пришлось мне сидеть на пароходе без обеда. В это время был сильный северо-восток, и я думал, что меня по дороге укачет. Правда, качало довольно сильно у входа в Кольский залив, но дальше качки не было, так что я не успел даже почувствовать неприятность. Со мной вместе ехали служащие из Центросоюза Михаил Андреевич, Геннадий Семёнович и Ордынская. Они предложили мне

¹⁶ Возможно, Александр Львович Байков, гидробиолог, профессор МГУ. В 1922 г. выслан из страны.

¹⁷ Андрусов Леонид Николаевич (Л.Н.) — сын известного геолога и океанографа Николая Ивановича Андрусова. Учился в Киевском университете, возможно, гидробиолог. Немного моложе Бориса Николаевича Шапошникова. Эмигрировал в 1920 г.

ночевать в их помещении, что было мне очень приятно, так как в Мурманске остановиться не где. В Мурманске нас долго не пропускали к пристани. Англичане требовали документы. Мне благодаря своим спутникам удалось пройти и без предъявления документов. У остальных документы отбирали и отдавали обратно лишь на следующий день. Придя в помещение Центросоюза, представляющее из себя довольно убогий барак с кое-какой мебелью, я оставил свои вещи и пошёл разыскивать пароходы. Пароходы я разыскал, но попасть на них не удалось, так как стояли они на рейде. Карбасов же на берегу почти не было, и нанять лодку оказалось невозможным. Таким образом, в первый день мне ничего не удалось сделать. Придя на базу, попил чай, поужинал и лёг спать на двух скамьях, прикрытых сеном. Спать было очень удобно.

29 июня / 12 июля

Утром встал в восьмом часу, попив чаю. Стал пробовать попасть на пароход. После больших усилий разыскал, наконец, старика сторожа, который согласился меня везти, но только в том случае, если грести я буду сам. Так мы и условились. Был сильный ветер и, если не опибаюсь, начинался отлив, а ехать надо было довольно далеко вокруг всех пристаней. Как из-за пристани выехали, тут и началось наше мытарство. Старик хоть и взял весло, но помохи мне не оказывал никаких. Лодка была тяжёлая и еле-еле двигалась. В одном месте нас повернуло вдоль волны и поперёк к нашему направлению. И в таком положении стало качать. Мои усилия повернуть лодку самостоятельно не увенчались успехом. Я уже думал, что нас унесёт отливом бог знает куда. Пришлось мне временно бросить вёсла и взять кормовое весло. Посадил было старика на вёсла, да ничего из этого не вышло. Пришлось ворочать лодку одному при помохи кормового весла. Потом опять я сел на вёсла. Через несколько времени произошло тоже самое. Наконец нас понесло на американский пароход, вдоль которого мы кое-как продвинулись. Я хотел уже вернуться, но было обидно плыть назад, когда цель близка. Наконец мы кое-как добрались до «Бибикова». Оказалось, что на «Бибикове» Никитина нет, а живёт там Дряблов, которого тоже нет дома. Пришлось ехать опять на «Вельможу». Со стариком ехать дальше я уже не решился и попросил матросов свозить меня на «Вельможу». Спустили шлюпку, уселись туда два матроса, быстро доставили меня на «Вельможу».

С.П. (Сергей Павлович) был там в общай каюте, где кроме него набилось много пассажиров,

так что было тесно. При мне С.П. стал настойчиво просить капитана, что бы он взял нас с собой до Териберки, но капитан настойчиво отказывался, ссылаясь на то, что буквально нет никакого места. Действительно, это так и было. Пароход был загружен настолько, что иллюминаторы каюты оказались под водой. Я не счёл нужным настаивать, и в душе решил, что самое разумное дело будет ехать на настоящем пароходе. Вместе с С.П. и двумя солдатами с «Вельможи» мы переехали на «Бибикова», где забрали старика, и поехали на берег. Так как теперь у нас был рулевой, то мы без всякого труда добрались до берега. Было около 1 часа.

С.П. ешё не пил чаю и ничего не ел, поэтому мы решили пообедать в железнодорожной столовой. Ели мы из общей чашки щи и капшу деревянными ложками. Поели в общем недурно, хотя и сильно демократично за 1 р. 50 к. Закончив обедать, сначала пошли в Центросоюз, а потом в штаб Красной Гвардии на телефон. Но Александровск не соединяли. Пробовали говорить из Совдепа. Там нам сказали, что вся служба связи Центромурманска арестована и с Александровском сообщения пока нет. Пришли послать телеграмму. В Совдепе рассказали, что в Центромурманске американцы арестовали много консервированного молока, которое они пожертвовали для населения. Центромурманцы же его присвоили себе. Сегодня в Мурманске событие: бросили бомбу в дом адмирала Весёлого, но без результата, т.е. дом-то разворотило, но адмирала не ранило. По этому поводу сегодня на улице многих обыскивали. Меня нет, хотя я и ходил. Рано утром англичане обстреляли из пулемёта катер с «Аскольда», отправляющийся на тот берег. После покушения на Весёлого, говорят, что убили одного матроса. С.П. это видел и говорит, что матросы сдались, как только пули стали ложиться близко от катера. С Дрябловым С.П. поссорился, да и не мудрено. Сидят они уже около двух недель в поганом Мурманске почти без дела в скверных условиях. С.П. говорит, что Дряблов ведёт себя как неврастеник. Оказывается, они уехали из Кандалакши позднее нас. Спинкин оказался в Териберке благодаря тому, что ехал с самого начала на наживочном пароходе.

Весь день скверная погода. Вечером мы ходили на гору около Мурманска. Если бы не туман, был бы очень хороший вид. Гора находится с севера и покрыта берёзовым лесом. Попадаются сосны и даже есть одна ель. Цветёт иван-чай длиною в ½ аршина, герань, кукушкины слёзки, жирянка, бруслица. Морошка уже довольно

Териберка. Открытика 1911 г.
<http://www.kolamap.ru/arch/img/opencard/thumb.html>

велика. Вообще растительность в Мурманске богаче и цветёт раньше, чем в Александровске. Цветочки кукушкиных слёзок крупные, но кисти малы и содержат цветков гораздо меньше наших. Лес, как всюду на севере, невысокий, комлистой. Местами попадаются валуны, покрытые лишайниками. У ели ветви опущены, как на Соловках. И с севера их раньше. Изрядно промокнув, мы вернулись на базу Центросоюза. Всё время моросит дождь и туманно. Говорят, что так всегда бывает при норд-осте.

30 июня / 13 июля

Утром разбудили меня сначала в 5, а потом в 6 часов. Пришлось встать, наскоро попить подогретого вечернего чаю и спешить на пароход. Со мной поехала только Ордынская, другие же остались в Мурманске. Пришли мы к самому отходу. В кают-компании я встретил Дряблова, который решил перебраться со своим багажом в Александровск. У выхода в Кольский залив порядочно покачивало в течение $\frac{1}{2}$ или 1 часа. Несколько женщин укачало. Утром погода была пасмурная и шёл дождь, но потом ветер стал тише, и несколько раз проглядывало солнце. Дряблов сообщил, что на его удостоверении кто-то написал, что экспедиция не разрешена. В разговоре ему тоже сказали, что экспедиция не разрешена.

Приехав в Александровск, мы застали Спичакова и Колю спящими. Кое-как их

разбудили и попали пить чай. За чаем решили, что Спичакову нужно ехать в Мурманск и выяснить положение у английских властей. В 3 часа Ф.А. (Спичаков) уехал на «Орлике». Мы же после обеда попали на станцию. Где несколько часов позанимались, потом пошли гулять по направлению к Пала-губе. До Пала-губы мы не добрались и вернулись с пути. Придя в город, решили на всякий случай спрашивать в почтовой конторе, когда придет пароход. Мы еще не добрались до конторы, как увидели Госновского, сказавшего нам, что из Мурманска звонил Спичаков и передал, что через час отходит из Мурманска пароход. Следовательно, здесь он будет через 2 или 3 часа. Мы поспешили домой, собрали вещи и пошли ужинать.

Вскоре пришёл «Трифон» с промышленниками. Ехало на нём масса народу, главным образом в третьем классе. В первом классе отдельных кают нет, а в общей каюте нам достался на четверых один диван и две верхние полки для вещей. Как водится, «Трифон» отошёл от Александровска только на следующий день, и всю ночь мы на нём канибелились. В 2 часа ночи ходили пить чай к хозяйке.

1/14 июля

Утром долго ждали охраны. Наконец, пришёл английский тральщик, и мы поехали. В море очень качало, и я страдал от морской болезни. Но Ф.А. закачался раньше. Не рвало только Колю,

Лопари посада Йоканыги
Открытка нач. XX в. Из коллекции А. Сидорова

хотя и у него болела голова. Когда шли по салме, не качало. Заходили мы только в Малооленье и Териберку. Места очень красивые. Очень жалко, что из-за морской болезни не могли смотреть на берега. В Териберке долго стояли и ждали карбас. Наконец, на последнем карбасе отправились в Териберку. Расположена она на песчаном берегу, домишкы маленькие, кое-как построенные. На берегу суда разных типов. У устья реки построены высокие пристани и амбары. Всюду сушатся яруса¹⁸, тресковые головы. Под ногами чистый глубокий песок. Есть две церкви. Сначала мы пошли к попу, который и указал нам, где помещается Байков. Оказалось, что он живёт на другой стороне речки. Мы по дороге узнали от поморов, что он уже выудил сёмгу и около 40 кумж. Подойдя к реке, мы увидели и самого Байкова. Сначала мы перевезли Ф.А. и Колю, а потом я и Байков отправились за Александром Викторовичем и багажом. Спинкин нас угостил ухой из сёмги, капей и жареной кумжей. Было очень вкусно. Я только после качки чувствовал себя не особенно хорошо.

2/15 шоля

Весь день прошёл в разборах. Все почти занимались всякими делами, и дело шло довольно быстро. Одни стряпали, другие посуду мыли, третьи разбирались. Вся главная разборка была скоро закончена. Вечером мы с Колей поплыли

¹⁸ Ярус — морская рыболовная снасть, употребляемая на севере России, состоит из длинной, до 10 верст, веревки, связанный из нескольких колен, к которой на расстоянии 1 саж. друг от друга подвзываются, на 1,5-аршинных поводках, крючки, наживляемые мойвой или песчанкой, а также морскими червями, внутренностями ракушек и т.п.

гулять. Наше помещение стоит в долине на берегу реки. Долина наносного происхождения, по-видимому. Почва в ней из песка и по ней протекает в довольно глубоком извилистом овраге ручеёк. Берега долины образованы крупными, довольно высокими гранитными скалами. Кое-где по ним скатываются маленькие каскады воды, ручейки. Мы взбрались на левую сторону долины и увидели в горах красивое и довольно большое озеро. Так как шёл дождь и был порядочный туман, мы дальше не пошли и вернулись обратно.

3/16 шоля

Утром я и Андрусов остались дома стряпать, а остальные пошли в Териберку устраивать дела. У нас почти нет дров, нет соли. Всё это придётся раздобывать. Мы состряпали уху из сёмги и чечевичную капшу, а после обеда по предложению Байкова пили какао и чай. Чувствую, что пока мы питаемся чрезмерно. При сидячей жизни недолго и растолстеть. Напиши к заседанию Совдепа опоздали, и поэтому Коля, Андрусов и Спичаков отправились снова после обеда.

Я сегодня всё время работал по кухонной части и нахожу, что это занятие не из приятных. Сегодня опять норд-ост и пасмурно, в море большое волнение и надо полагать, что «Вельможа» стоит всё ещё в Тюва губе. Несчастный Сергей Павлович всё ещё там и никак не доедет. Неприятно, что он подвержен качке. Мы отрезаны от всего мира. Пробовали послать телеграмму в Архангельск, но нам сказали, что в лучшем случае она пойдёт почтой. Провода же телеграфные оборваны.

Сегодня с Байковым собираемся ехать к падуну на реке. Сейчас прилив и надо пользоваться приливным течением. Во время отлива ехать будет трудно. Выехали мы часов в шесть. Так как прилив только ещё начинался, то мы несколько раз садились на мель, но всё-таки кое-как пробрались до падуна. Речка течёт по ущелью среди крупных, живописных скал. Местами по берегу песчаные отложения с редкими валунами. Отложения эти более похожи на осадочные, чем на ледниковые. Впрочем, вблизи я их не рассматривал. Около падуна — маленький посёлок с игрушечными избёнками и чумами лопарей. Там живут колонисты и лопари и промышляют сёмгу. Около падуна устроены сети, которые преграждают доступ сёмге

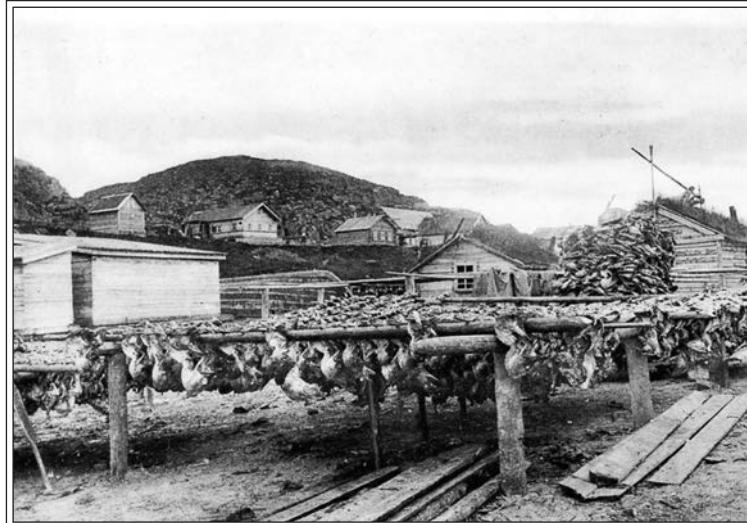

вверх по течению. Но несмотря на это, всё-таки часть сёмги, по-видимому, пробирается выше. Около посёлка стоят сети у берега. Из них сёмга выбирается во время отлива. Сам падун не велик, он падает с высоты 1½ сажени и распадается на несколько рукавов. Самый большой из них шириной сажени 3–4, остальные гораздо меньше. Около большого рукава всё время стоит дым от брызг. Вероятно, весной падун производит большее впечатление. Мы высадились у посёлка и по дорожке взобрались выше падуна, где Байков стал забрасывать спиннинг. Из посёлка скоро пришли лопарь и русский поселенец, которые наблюдали за ловом сёмги. Скоро Байков подцепил сёмгу в 5 фунтов. Затем я и Байков переправились на другую сторону водопада, где он подцепил другую сёмгу в 4 фунта. Таким образом, в какой-нибудь час он обеспечил нам пропитание на целый день.

На другой стороне водопада было ещё красивее. С лодки пришлось идти по гряде обточенных камней, в беспорядке набросанных друг на друга. Очень красиво около самого большого рукава. Назад мы поехали, когда был ещё прилив, и нам пришлось грести и против ветра, и против приливного течения. Двигались мы еле-еле. Прилив доходит до самого падуна. Байков там пробовал воду и говорит, что она солоновата. Очевидно, приливы в Териберке очень высоки. Падун от берега находится по крайней мере в 1½ верстах. Приехали домой мы часа в 3. Пока разогревали ужин и ставили самовар, пропало порядочно времени, и нам пришлось лечь спать часов в 5.

4/17 июля

Приехал, наконец, «Вельможа». Наши были в деревне и принесли это известие. За Никитиным мы отрядили карбас с Байковым, Колей и Дрябловым, а я и Леонид Николаевич стали готовить обед. Никитин приехал совсем разбитый, по дороге их сильно качало, т.ч. укачало всех матросов и капитана. Несколько раз пароход заливало водой. Венцы наши все перемочило, хотя они и были высоко на палубе. Пообедав, Коля и Байков поехали на пароход. Мы же, т.е. я, Леонид Николаевич и Дряблов, пошли к попу в баню. Баня чёрная, тесная и довольно грязная, но вымылись мы на славу. После бани пили чай у попа. Никитин совсем слёг.

Сушка тресковых голов
Открытика нач. XX в. Из коллекции А. Сидорова

5/18 июля

Утром я и Байков ездили в Ладейную бухту за дровами и солью. Утром за нами пришёл член местного Совета, но мы все ещё спали, хотя и было 11 часов. Никак это у нас вставать не наладится. Погрузили мы ½ сажени на карбас и привезли домой. Дома носить помогали все. Даже Ф.А. и тот принёс одну охапку. Ф.А. за это время успел разобрать одну комнату и устроить кабинет. После обеда я и Коля взяли ружья, а Байков — спиннинг и отправились в горы на озеро. Охота была плохая, ничего не видели. Я только один раз выстрелил по гагаре, да и то неудачно. Спинкин же поймал несколько кумж и одну палию. По дороге видели много оленей. Место очень красивое. Сегодня у нас масса рыбы. А.В. купил треску, пин-шу и камбалу за 1 рубль. Кроме того, в подарок за пользование нашим ботом латыш принёс 4 пин-ши (и) палтуса. Итого мы имеем фунтов 30 рыбы. Палтуса мы решили зажарить в пироге и поэтому обратились к соседке с просьбой помочь нам в этом.

6/19 июля

День прошёл в хозяйственных делах. Утром я и Спинкин варили обед и мыли посуду. После обеда занимались стиркой белья. У меня накопилась масса белья. Сначала я думал выстирать только часть, но потом решил простирасть всё, что было. Стирал до самого вечера и не кончил. Правда, помешал поп, который пришёл к нам в гости. Сидел он до часа ночи и всё разговаривал о всяких вещах. Хотели мы его угостить водкой, но он отказался, сказав, что у него раньше был

запой, и он боится, как бы этот запой не повторился. После ухода попа мы немного постреляли в цель из хозяйствской зверобойной винтовки. Лучше всех стрелял Спичаков.

7/20 июля

Утром Спичаков сел шить драгу. Леон. Ник. стряпал, а я помогаю понемногу. Сегодня сильный ветер с юга. Комаров на ветру нет, но зато за пригорками заедают совершенно. Придётся мне и сегодня продолжать своё прачечное дело. Вскоре ветер прекратился, и наступила сравнительно тихая, но пасмурная погода. К вечеру прояснилось. Весь день до вечера я занимался хозяйственными делами, стирал бельё, помогал шить драгу. Вечером к нам пришёл заведующий продовольствием Териберки студент 1-го курса 19-летний Генденрейх, с ним мы проговорили до 1 часа. С этого дня мы решили перевести часы по астрономическому времени, и дальнейшее обозначение будет не Ленинским.

8/21 июля

Сегодня праздник. Я и Байков полоскали бельё и теперь сушим. День стоит ясный и тихий. Комаров огромное количество. Пока полоскали бельё, они нас совсем зажрали, несмотря на накомарники. Хотели мы было выехать в море, но Спичаков продолжал шить драгу. Делает он это крайне медленно и основательно. Так как не было надежды, что драга будет готова даже к вечеру, то мы втроём, я, Коля и Байков, решили идти на падун. Днём часа в три должно было состояться собрание поморов. И мы отправились на него, но собрание не состоялось. Пришлось нам только зря потратить время. В Териберке узнали, что англичане привезли снасти, но назначили за них такую цену, что поморы не решаются их покупать. Цена раза в 3–4 больше существующей теперь. Вследствие этого появилась антисоюзническая ориентация.

Часов в 6 мы поплыли на падун. Шли горами по очень красивой местности, но комаров было столько, сколько я никогда не видел. Кусали, несмотря на накомарники, и облепляли целыми тучами. Вследствие того, что комары постоянно вились перед глазами, временами казалось, что дрожит трава под ногами. Жужжание их напоминало пчелиное. Если провести руки в воздухе, то они захватывают без труда по несколько комаров. На падуне мне пришлось пристраивать удочку, и это занятие было прямо мучительно: руки прямо облеплялись комарами. Я удивляюсь

на лопарей. Они, правда, одеваются особые <прзб.>, но лицо у них не защищено. Русские колонисты ходят в накомарниках. У меня накомарник прилегал часто к левому уху и оттуда я сгребал комаров целыми горстями. Но, в общем, я не думал, что наши накомарники будут так хорошо защищать нас от комаров. На падуне Байков поймал сёмгу в 7 3/4 фунта. Пришёл было колонист и стал ругаться, что ловят, не спросив его, но потом отшёл и разрешил ловить. Тем более что ему resonно указали, что выше падуна у него сетей нет, и сёмга для него пропашная. Назад мы шли вдоль по реке, по отливу и значительно сократили дорогу. По дороге туда и обратно попадались олени. Алекс. Викт. ходил отдельно от нас с винтовкой. Стрелял он два раза по птицам, но неудачно.

9/22 июля

Сегодня первый раз выехали с драгой в море. Драга оказалась не очень удачной, но, в конце концов, нам удалось взять в двух местах пробу со дна, на месте лова наживки. Сегодня я настоял, чтобы были распределены дежурства по хозяйству, а так получается, что больше всего работаю я и Андрусов. Сегодня работал Алекс. Викт., но у него как-то так выходит, что приходится помогать. Помогал ему Андрусов. При распределении работ немного повздорили, причём поднял скандал я.

10/23 июля

Утром встали в 10 ½ часов. И я уже думал, что день пройдёт так же бесцветно, как и раньше, но часов около 12 пришёл Гейденрейх и сказал, что через два часа уходит в Гаврилово пароход. Как на грех, я только что распаковал микроскоп, и Байков уже начал пристраивать к нему ключ. Хотя я и стремился уехать, но сразу как-то подумалось, не лучше ли отложить, тем более что в два часа мы вряд ли бы успели уложиться, но, понадеявшись, что пароходы здесь точно никогда не отходили, решили ехать. Быстро собрались, отвесили себе рису 15 фунтов, макарон 10 фунтов, взяли сахар, чернослив, мармелад, 17 банок мясных консервов и 11 фунтов солонины и сели обедать. Закусили довольно плотно чечевицей и макаронами, попили чайку и стали выносить вёщи. В это время услыхали там голос Гейденрейха, который кричал нам, чтобы мы спешили. Мы быстро погрузились на карбас и поехали.

Был прилив, и против течения нам было трудно грести. Часам к 4 или 4 ½ мы, наконец, добрались до «Вельможи». Капитан на этот раз

Становище Гаврилово. Фотография нач. XX в.

был более любезен и даже помогал таскать нам напиши венци. Может быть, на него подействовал выговор, а может быть, просто С.П. не умел себя с ним поставить. На пароходе был М.И. Ганичев — заведующий продовольствием Мурманска и Ив. Ив. — агент Союза кооператоров. Оба они должны были ехать по становищам до Восточной Лицы. Венци, по совету капитана, мы положили на кормовой люк, где их не должно было заливать при сильном волнении. Ветер был не особенно силен, но капитан предупредил, что в море будет качать, и, по всей вероятности, вода попадёт на палубу. Нас провожали Андрусов, Спичаков и Дряблов. Остался дома один С.П., которому сегодня гораздо лучше, он встал и даже обедал вместе с нами. Улучшение началось со вчерашнего дня. За день же до этого он чувствовал себя отвратительно. Температура поднималась почти до 40, несколько раз начинались судороги. Сводило у него и руки, и ноги. Больше всего за ним ухаживал Ф.А. Во время судорог помогал растирать и я. На пароходе ждали только нас и, как только мы погрузились, сейчас же стали выкатывать якорь.

В открытом море волнение было сильное. Несколько раз брызги попадали на палубу, и спереди по палубе временами текли целые потоки. Я всё время опасался, что меня начнёт рвать, но на этот раз сопло благополучно. Правда, нельзя сказать, чтобы я себя хорошо чувствовал, но лучше обычного. Мне даже кажется, что Ив. Ив. закачался больше моего. По крайней мере, лицо у него было очень неважкое.

Берега от Териберки до Гаврилова скалисты и довольно однообразны. По большей части скалы опускаются к морю. В некоторых местах попадаются отлогие долины, часто кончающиеся у моря каменистыми россыпями. На большую высоту скалы, по-видимому, совершенно лишены растительности. Перед Гавриловым лежат небольшие каменистые островки. Не доходя до Гаврилова, к нам подошёл штурман и предложил высадиться в Вороньей реке, так как у Гаврилова будет очень большая волна. После обсуждения мы решили попытаться высадиться у Гаврилова, а если не удастся, то вернуться к Вороньей реке. Около устья Вороньей реки масса песку и даже на ровной площадке какая-то удивительно свежая зелень, резко контрастирующая с остальной зеленью северного берега. Берега Гавриловского залива обрывистые, разбитые по отдельности скалы, слаженные прибоем. Острова покрыты птичьим помётом. Всюду масса чаек. Особенно живописны скалы от входа направо, где расположен маяк.

«Вельможа» остановился у наружного расширения бухты, и мы стали садиться в лодку. Кроме нас в лодку должны были сесть Ганичев, Ив Ив., двое поморов и два матроса. Так как у нас было много багажа, мы было думали, что придётся ехать в два приёма. Но оказалось, что поместились все, хотя и сильно покачивало, но доехали до брамы¹⁹ Могучего благополучно. Пришлось только второй раз съездить на пароход за

¹⁹ Брама — плавучая пристань, дебаркадер.

оставленной солониной и консервами. Вещи мы оставили в сарае на браме, а сами пошли разыскивать квартиру. После долгих мытарств мы наконец устроились в школе. Учитель оказался человеком очень общительным и симпатичным, и, несмотря на то что у него все комнаты были заняты, поместил нас в классе, где ещё поместились продовольственный агент Мухин и Ганичев. В соседней же комнате за занавеской — сестра учителя. Мы все, кроме Ганичева, спавшего на кровати, устроенной из досок и ящиков, спали на полу. Кроме очлега мы получили ужин из семужной ухи и чай. Решили столоваться у учителя и дальше. К сожалению, всегда спать, так как мы спали в Александровке, т.е. на полу, не очень удобно. Перед сном пришлоось идти опять за постельными принадлежностями.

11/24 июля

Встали часов в 8 и съездили за частью наших вещей в карбасе учителя. Приехав, очень долго обсуждали, оставаться ли нам в дьячковой квартире, или переезжать куда-нибудь. Дело в том, что у дьячка оказались клопы, и было очень грязно. Но учитель поставил нам ультиматум, что он будет нас столовать только в том случае, если мы будем жить у него или у дьячка, т.е. в одном доме. Так как в другом случае неудобно нас звать к обеду, потому что еда у них не очень аккуратно готовится и принаршивается к его свободному времени. Ему же часто приходится выезжать в море и возвращаться неаккуратно. Думали, было, мы устроиться самостоятельно, но нам сказали, что прислугу найти совершенно невозможно. Без прислуги мы бы теряли слишком много времени на хозяйство, как, например, в Териберке. В конце концов решили устроить лабораторию у дьячка, самим же поселиться с Мухиным в классе. Стали всё приводить в порядок и так как работали все трое, то скоро всё было готово, главный сор и рухлядь убрали. Выставили окна и пустили свежего воздуха.

После обеда ходили гулять на гору около Гаврилова. Оттуда открылся красивый вид на бухту и океан. К сожалению, был отлив. Видел каких-то неизвестных мне куличков. На отливе колоссальное количество чаек. Едят тресковые внутренности и другие отбросы промысла. Всё время слышан крик чаек. Во время отлива он значительно усиливается. Пока я различаю 4 вида чаек. К вечеру во время прилива мы поехали за ящиками вместе с учителем. Ящики, 5 штук, были тяжёлые, и спускать в карбас их было неудобно. У спускного колеса стояла брама, вплотную к пристани.

Мы не знали, как уже нам устраиваться, но помог учитель. Он отодвинул браму, и карбас всплыл между брамой и пристанью. Стали спускать ящики на цепи. Я был в карбасе, а остальные наверху. Всё время приходилось следить, чтобы брама не раздавила наши карбасы. Кое-как с большими трудами ящики погрузили. Ещё труднее было их выгружать и переносить к дому учителя. Особенно тяжело было тащить ящик с провизией, весящей больше 6 пудов. В дом его так и не внесли, а раскупоривали на улице. Прибежали, как всегда, мальчишки, любопытства ради, но мы их удалили, чтобы не обнаруживать наших запасов. Как я и опасался, один из наших ящиков с эмалированной посудой оказался в Териберке. Наоборот, ящик со спиртом в Гаврилове. Вследствие этого у нас не хватает целого ряда венцей. Все ящики, за исключением спиртовых и университета Шанявского, мы вскрыли, и вещи все разложили по местам. Вообще работа у нас здесь ведётся гораздо быстрее, чем на базе или в Териберке.

Учитель говорит, что наживку иногда, смотря по времени года, ловят и при низкой воде. Невод тянут человек 12. Звериные сети ставят перпендикулярно к берегу на не очень глубоком месте так, чтобы один их конец лежал на дне, а другой несколько выше. Над сетями остаётся большое пространство свободной воды. Один раз ему попалась икряная пикша, явление очень редкое. Учитель находит поддёвный промысел более выгодным. Сейчас он промышляет на боте. Кроме того, у него есть другой бот, юла и карбас. Чёрный палтус обыкновенно не ловится, так как живёт далеко от берега.

12/25 июля

Встали в половине восьмого и после чая отправились за дровами. Поехал с нами и учитель. Купили дров 1 сажень и заплатили 100 рублей. Байков остался дома морить клопов. Клопов, правда, он не морил, но пристроил полочку и раздобыл посуду. В это же время баба вымыла дьячков дом. Всю сажень мы поместили в карбас и быстро перевезли к себе. Выгружали из карбаса я, Коля и Байков. Кончили всю процедуру быстро и принялись за клопоморение. Пришёл сын почтового чиновника Бор. Васил. В это время нас позвали обедать. Бор. Вас. предложил свои услуги по части морения клопов, а мы попали обедать. Пока обедали и пили кофе, клопы были уничтожены.

В вечеру ходили на место лова наживки у устья Вороньей реки, но ловли не застали, на берегу уже никого не было. Место около лова

Становище Рында. Открытка 1911 г.

наживки замечательно красиво. На берегу замечательный песчаный пляж и скалы, разбитые на отдельные камни, как будто расколотые какой-то силой. Трещины идут обыкновенно вертикально. Подальше от берега на песчаном грунте растёт довольно много цветов, есть какие-то крупные мотыльковые, жёлтая заячья капустка и какой-то голубой цветок с листьями, как у заячьей капустки, и стелящийся по земле. По дороге на песок я убил кулика (*Charadrius*) и чайку (*Larus*) на песке. На песке строится избушка для наживочной команды, но никто не живёт. Оттуда мы пошли к устью Вороньей реки. Река большая. Место около устья замечательно красиво. Видели в устье Вороньей тюленя. Вернулись домой к ужину. После ужина проводили хозяина на промысел.

13/26 июля

Почти весь день занимался шитьём драги. Коля чинил сапоги. Только вечером я и Байков попали на озеро. По дороге под Пахту Байков ничего не поймал. Я же застрелил плавунчика и чайку хохотунью (латынь). Говорили по телефону с Териберкой. Спичакова вызвать не удалось. Говорить пришлось с Генденрейхом. Он сказал, как раз сегодня идёт мотор в Рынду. Мы просили, чтобы с ним передали Спичакову, что мы нуждаемся в эмалированной посуде и прочем. Я, правда, не очень надеюсь, что нам эти венцы выплюют.

14/27 июля

Весь день пропшёл в обдиরании чаек и куликов. Кроме того, я закончил драгу. Всё время сидели дома. Погода испортилась, подул ветер с моря, и у входа с моря в бухту образовался сильный прибой. К вечеру стало туманно. Часов в 5 мы ходили в почтовую баню, где хорошо помылись.

15/28 июля

Воскресенье. Утром я набил шкурки. Причём *Phalaropus*²⁰ испортил, а *Charadrius*²¹ оказался неудачным. После обеда мы решили сходить на ручей Хохряк, вытекающий из-под настенного озера. Стояла пасмурная погода и моросил дождь, но мы всё-таки решили прогуляться. Сначала мышли по компасу вдоль долины на юго-юго-запад и вскоре совершили неожиданно для нас пришли к устью Вороньей. По карте до устья должно было быть не меньше 7 вёрст. Мы же прошли не более трех. Затем повернули налево на юго-восток и попали на интересное место: на огромное пространство, покрытое песком. Слева, т.е. с северной стороны, песок лежит ниже, на южной стороне он навевается ветром. Скалы с юга издали кажутся отполированные песком. Они серого и красного цвета. Но на ближнем расстоянии

²⁰ Род из трёх видов птиц малого и среднего размера из семейства бекасовых.

²¹ Зубёк, род куликов семейства ржанковых.

Наживление яруса для ловли трески

Открытика 1911 г.

<http://www.kolamap.ru/>

они шероховаты и состоят из крупнозернистого гранита. Пройдя песок, мы вышли на широкую долину Хохряка. Хохряк — извилистая, мелкая речка, быстро текущая по песчаному или каменистому ложу. С обеих сторон ее мелкие озёра и болота со сфагнумом. Сплошных болотистых мест немного. Обыкновенно среди ровного пространства, заросшего сфагнумом, поднимаются совершенно сухие и твёрдые кочки, покрытые морозкой и ползучей берёзой. Прыгая с кочки на кочку, легко проходить через болото. Иногда попадаются возвышения, состоящие из торфа, покрытые лишайниками. До конца Хохряка мы не доплыли. В озёрах было много гагары, а в одном месте над болотом вились поморники. Одного из них застрелил я, другого — Коля. Кроме того, Коля убил зуйка. Всё время шёл дождь и когда мы пришли домой, он стал всё усиливаться. Я был одет в кожаную куртку и штаны, но, несмотря на это, промок довольно основательно, так что пришлось переодеваться. Сапоги мои также в конце концов промокли, что особенно неприятно, сильно стоптались.

Домой шли мы другим путём, и пришли почти под Пахту. Оттуда шли вдоль телеграфа. Дорога из-под Пахты очень красива. Идёт недалеко от моря. В одном месте интересная гора, почти сплошь состоящая из обточенных валунов. Вечером одолевали мысли о доме. Всё время думалось, как мы будем добираться в Москву. Пока все пути сообщения очень ненадёжные. Возможно, что придётся часть вещей оставить и идти или пешком или на оленях.

16/29 июля

Понедельник. Утром погода несколько лучше. Ветер переменился и дует не с севера, с С-3 (северо-запада). У входа в губу сильный прибой. Поморы уже второй день в море не выходят

и наживку не ловят, да и ловить её при С-3 ветре невозможно, — слишком сильный прибой. Как раз место лова наживки обращено на северо-запад. Так как работы по промыслу не было никакой, мы решили прогуляться с ружьями. Хотели было идти сейчас же после обеда, но проканитились и выпили часов в 5 после чая. Ходили долго, часов до 10, прошли недалеко по дороге под Пахту. Байков ловил в Гольцовом озере на спиннинг, я же и Коля охотились. Мы добыли четыре чайки и кулика. По дороге под Пахту попадаются интересные марены, сложенные из округлых валунов. Иногда эти марены служат как бы плотиной, сдерживающей воду, и способствуют образованию озёр. У берега моря видны небольшие островки и рифы. В одном месте есть интересный миниатюрный фьорд сажени 2–3 шириной и с совершенно вертикальными берегами из гранита. Между островками и берегом пролив, в котором волнение значительно слабее. На прогулке как-то всё забывали, но дома, когда ложились спать, всё время думали о своих.

На этом дневник кончается.